

БРЯЧЕСЛАВ ГАЛИМОВ

ВОКРУГ ТЮДОРОВ.
ЭПОХА ПЕРЕМЕН
И ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ

ЗАГОВОР ЕЛИЗАВЕТЫ
ПРОТИВ МАРИИ ТЮДОР

Галимов Брючеслав
Заговор Елизаветы против
ее сестры Марии Тюдор
Серия «Вокруг Тюдоров. Эпоха
перемен и время страстей», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17011695

Аннотация

Мария Тюдор, законная наследница короля Генриха VIII приходит во власть после смерти отца и всеми силами пытается возродить в Англии прежние порядки. Но против нее зреет заговор, организованный сторонниками Елизаветы – дочери короля и его возлюбленной Анны Болейн. Заговорщики искренне считают, что именно Елизавета достойна престола... Роман «Заговор Елизаветы против ее сестры Марии Тюдор» входит в трилогию Брючеслава Галимова «Вокруг Тюдоров. Эпоха перемен и время страстей» и является продолжением первой книги – политико-любовного романа «Измена Анны Болейн королю Генриху VIII». В прозе Брючеслава Галимова художественно обобщены по-настоящему драматические события, происходящие в Лондоне в XVI столетии, благодаря чему читатель имеет возможность узнать

романтизированную биографию великих людей, повлиявших на ход истории.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Двор королевы Марии	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Брячеслав Галимов

Книга 2

ЗАГОВОР ЕЛИЗАВЕТЫ ПРОТИВ МАРИИ ТЮДОР

Пролог

В сумерках, по дороге, ведущей к северным воротам Лондона, торопливо ехали и шли запоздавшие путники, – ворота скоро должны были закрыться на ночь, надо было спешить. После вчерашнего дождя дорога была размыта: большие лужи заставляли прохожих идти по обочине, а конные путники, чертыхаясь, понукали своих лошадей лезть в самую грязь, рискуя упасть и оказаться в жидком дорожном месиве.

– Вот, дьявол! – выругался всадник на прекрасной серой лошади, когда едва удержался от падения. – Ну, давай же, Арабелла, осталось не больше мили, – он похлопал лошадь по шее. – Давай же, милая, не ночевать же нам в поле! Я знаю, что ты устала, но меня ждут на важной встрече, а тебя ждёт тёплая сухая конюшня и охапка душистого сена. Нам с тобой есть ради чего поднатужиться... Давай, милая!

Лошадь заржала, с усилием вылезла из огромной промоины и покорно направилась вперёд. Через четверть часа городские ворота остались позади; стоявшие в них стражники бегло оглядели всадника и пропустили его, не найдя подозрительным. Он с облегчением вздохнул и уверенно поехал по лабиринту улиц: он хорошо знал Лондон.

К западу, вдоль берега Темзы высились здания дворцов и среди них Уайт-холл, где жил когда-то король Генрих, а теперь жила его дочь, королева Мария. Вниз по течению Темзы, в восточной части Лондона, находился замок Тауэр – тюрьма для государственных преступников и место их казни.

Всадник достиг центра города и повернул на восток, он поехал через самые оживлённые кварталы Лондона. Несмотря на вечернее время, ещё кипела работа в мастерских, бойко торговали лавочники; по улицам ходили солдаты и слонялись моряки с кораблей, прибывших из разных стран. Кроме того, немало было воров, охотившихся за кошельками, – это называлось на воровском жаргоне «ловлей кроликов». Всадник не раз ощущал на себе цепкие взгляды таких «ловцов», но он, конный, с кинжалом за поясом и шпагой на боку, был для них трудной добычей, – его не трогали.

Вскоре он миновал собор Святого Павла. Богослужение сегодня уже закончилось, однако народа было по-прежнему много: сюда приходили дельцы в поисках клиентуры, часто тут же совершались всевозможные сделки. Рядом с со-

бором было место встреч лондонской избранной молодежи. Здесь назначались любовные свидания и дружеские вечеринки; франты приходили сюда щегольнуть модными нарядами, заимствованными у итальянцев или французов.

С Темзы разносились пронзительные окрики лодочников, зазывавших тех, кому надо было переправиться через реку. Вообще, шум в городе стоял невообразимый: по бульварам грохотали колеса повозок, кричали торговцы, шумно ссорились подмастерья, то и дело возникали драки из-за нежелания уступить дорогу.

Всадник улыбнулся, вспомнив меткое замечание одного путешественника, объясняющего шум в Лондоне тем, что все жители английской столицы пребывают по обыкновению навеселе. Простой народ пьёт крепкий эль за завтраком, обедом и ужином, а люди побогаче – вино, которое «способствует установлению духа доброго товарищества, но приводит к дракам на шпагах». Одним словом, «этот город никак нельзя назвать городом трезвенников, и люди на улицах охотно распевают песни, постоянно находясь в подпитии».

Помимо всего, доносилось пение из парикмахерских, где брадобрею по закону полагалось петь, пока он скоблил щеки и стриг бороды – и, конечно, музыка из трактиров. К одному из них всадник и подъехал: трактир назывался «Свиная голова» и пользовался доброй славой среди джентльменов, желающих приятно провести время. Обстановка там была небогатая, но готовили вкусно, подавали неплохое вино и не

заламывали чрезмерную цену. Кроме этих очевидных преимуществ, трактир был ещё и безопасен, – его владелец умел найти общий язык и с полицией, и с ворами, которые хозяйничали в этом квартале.

В «Свиной голове» всадника уже давно ждали: ему помогли спешиться, лошадь отвели на конюшню, а самого его – в укромную комнату, через коридор от общего зала.

– Сэр Джон! Милорд! – закричал краснолицый джентльмен, единственный, кто был в этой комнате. – Позвольте обнять вас на правах старого друга. Вы ведь не забыли наши заседания в клубе Циников? В этой же доброй «Свиной голове»?

– Как можно забыть? Вы столько раз избирались королём пирушек, что навечно останетесь в летописях нашего клуба, – улыбнулся сэр Джон. – Как поживаете, сэр Эндрю?

– Превосходно! Жаль только, что наш клуб Циников закрылся, – весёлое было заведение, чёрт побери! – захохотал краснолицый джентльмен, от которого и сейчас сильно разлило вином.

– Вот как? Вы уже больше не собираетесь по четвергам? Отчего же?

– После вашего отъезда всё пошло вкривь и вкось: не было никого, кто был способен заменить вас. К тому же, при нынешней власти всякие собрания вызывают подозрения. Её величеству королеве Марии всюду мерещатся протестантские заговоры...

– Разве мы не для этого сегодня здесь? – усмехнулся сэр Джон.

– Так что же! При чём тут клуб Циников?! – возмутился сэр Эндрю. – Это была лояльная организация. Мы ругали правительство, издевались над важными господами, награждали их обидными прозвищами, но у нас и в мыслях не было устраивать заговоры. А вот теперь, когда нам запрещено чесать языки, придётся взяться за оружие. Как сказал один мой приятель: «Когда человеку не дают говорить, он начинает действовать», – или, говоря по-другому, тот кто зажимает вам рот, освобождает ваши руки.

– О, да вы политик, дорогой Эндрю! Вам бы заседать в парламенте.

– К дьяволу парламент! В эту сточную канаву стекаются все нечистоты государства. Разве может порядочный джентльмен заседать в отхожем месте? Разве что по большой нужде! – Эндрю вновь расхохотался.

– Сразу виден убеждённый оппозиционер, – заметил сэр Джон. – Однако, ответьте, ради бога, – как вы оказались в числе заговорщиков? Мне отчего-то думается, что это не ваше призвание.

– Бренди! Бренди стало причиной этого! Не понимаете? Очень просто: когда в этой комнате сошлись известные вам заговорщики, я спал тут же, под лавкой, – с вечера мы хорошо выпили с друзьями и меня забыли на полу. Заговорщикам не пришло в голову посмотреть себе под ноги, и, та-

ким образом, я услышал всё, о чём здесь говорилось. Когда же меня обнаружили, то не знали сперва, что со мной делать; некоторые даже предлагали меня убить для того чтобы сохранить тайну заговора. А я им говорю: «Джентльмены, хотя у меня дико болит с похмелья голова и трясутся руки, но задёшево я свою жизнь не отдам. Если хотите меня убить, – извольте! Однако из уважения к вам я пропущу на тот свет двух-трёх человек вперёд себя». Тогда сэр Томас сказал: «Бог с ним! Сэр Эндрю мне давно известен: он имеет слабость к выпивке, но он из славной протестантской семьи. Помимо того, сэр Эндрю – не из робкого десятка и может быть полезен для нашего дела... Вы желаете присоединиться к нам, сэр Эндрю? Вы желаете присоединиться к благородному делу борьбы за истинную веру, борьбы против папистов и деспотической власти королевы-католички?». Я ответил, что желаю. А почему бы нет? Больше всего я ненавижу три вещи: скуку, ханжество и трезвость. Участие в заговоре позволяет мне избавиться от первых двух, а с трезвостью я справлюсь как-нибудь сам.

– Не сомневаюсь. Редко кому удаётся проиграть ей, а уж вам-то сам Бог велел выиграть у трезвости, – улыбнулся сэр Джон. – Вот, кстати, одна история по этому поводу. Один мой приятель, капитан корабля, направляясь из Бордо в Плимут, вёз целый трюм бренди. Путь не долгий, но когда везёшь бренди, каждый час воздержания кажется вечностью. На беду, начался шторм, который вскоре принял та-

кую ужасающую силу, что мачты корабля переломились, как тростинки, а паруса унесло. Оставалось молиться и вверять свои души Господу, – и тут-то терпению матросов пришёл конец! «Капитан, – закричали они, – если нам суждено умереть, то прикончим вначале проклятое бренди. Из-за него мы гибнем, так отомстим ему за это!». «Хорошо, друзья, – отозвался капитан, – открывайте бочки. Пусть чертям в аду станет тошно, когда они увидят нас!». Бренди полилось рекой, и мой приятель утверждает, что никогда не знал такого веселья, как на этом гибнущем корабле, на волосок от смерти...

В народе говорят, что Бог снисходителен к пьяным и прощает им многое, что не простил бы трезвым. Случилось чудо – неуправляемый корабль весь день болтался в бушующем море, а потом его выбросило на английский берег. Никто из членов экипажа не пострадал, однако от бренди не осталось ни капли.

Закончилась же история тем, что на капитана сделали начёт за погубленный груз. До сих пор мой приятель расплачивается за бренди, но утешается воспоминаниями об этом незабываемом дне.

– Ох, чёрт! Я отдал бы половину жизни, чтобы очутиться там! – с завистью воскликнул сэр Эндрю. – А не выпить ли нам, пока мы одни? Ваш рассказ разгорячил мне кровь.

– Чуть-чуть попозже, – отказался сэр Джон. – Я слышу шаги в коридоре...

В комнату вошел высокий джентльмен с коротко подстриженной бородкой на очень серьезном лице.

– Добрый день, сэр Томас. Как вы поживаете? – приветствовал его сэр Джон.

– Благодарю вас, хорошо, но не надо называть имен, – сказал высокий джентльмен. – Осторожность, осторожность, и ещё раз осторожность!.. Вы меня извините, милорд, но я не могу пригласить вас на наше собрание. Мы с вами после потолкуем отдельно, а пока вам придётся подождать ещё какое-то время в этой комнате.

– Какого чёрта! Почему сэр Джон должен сидеть тут, как провинившийся школьник?! – возмутился сэр Эндрю. – Я ручаюсь за него, как за самого себя.

– Всё в порядке, дорогой друг. Сэр Томас... то есть я хотел сказать, этот джентльмен прав, – сэр Джон похлопал сэра Эндрю по плечу. – В каждом деле есть свои правила, которые следует соблюдать. Я устал с дороги и с удовольствием посижу здесь у огня.

– Вы кротки, как овечка, – проворчал сэр Эндрю. – А считаю, что вас обидели.

– Никто никого не хотел обидеть, – возразил сэр Томас. – Ваш друг прав: есть правила, которые нужно соблюдать. Но вы-то присоединитесь к нам, сэр Эндрю? Вы будете участвовать в собрании?

– Не хотите ли вы и меня запереть в чулане? Конечно, я буду участвовать в собрании, коли я один из вас, дьявол меня

забери! – грубо ответил сэр Эндрю.

– Вот и отлично, – не замечая его тона, проговорил сэр Томас, – тогда пройдёмте в соседнюю комнату.

* * *

Сэр Джон пододвинул стул к камину и собрался задремать, но за стеной закрипела дверь, раздались мужские голоса, а затем он увидел, как через щель в досках пробивается луч света. Сэр Джон подошёл, поковырял дырку и обнаружил, что штукатурка, которой покрыта стена, осыпается, так что сквозь щели отлично видно всё, что происходит в соседней комнате.

Восемь или девять джентльменов во главе с сэром Томасом сидели за столом. Один человек с пистолетом и шпагой в руках стоял на страже у двери.

– Начнем, господа, – сказал сэр Томас, – и помните об абсолютной секретности нашей встречи. Прошу не называть никаких фамилий и, упаси Господи, не делать записей – ни сейчас, ни после. Надеюсь, вы понимаете, что мы рискуем головами... Итак, сегодня мы должны приступить к разработке плана наших действий, – продолжал он. – Королева Мария успела за своё недолгое правление причинить страшное зло нашей стране и нашей вере. Дальше так продолжаться не может. Королева Мария должна быть свергнута, – и да здравствует королева Елизавета! Все присутствующие с

этим согласны? Нет возражений?

– Возражений нет, – раздался чей-то голос, а сэр Эндрю громко проворчал: – Чёрт возьми, зачем повторять то, что и так ясно?

– А затем, что я считаю не лишним ещё раз обозначить нашу цель и убедиться, что мы все стремимся к ней, – ответил сэр Томас. – Единомыслие и твёрдая убежденность в конечном результате – вот что позволяет свернуть горы. Ну, и конечно, готовность пожертвовать собой за истинное учение Спасителя и за нашу благословенную Англию.

– Мы на проповедь собрались, что ли? – захохотал сэр Эндрю.

– Безыдейный заговор, всё равно что пушка без пороха, – возразил сэр Томас на этот раз достаточно резко. – Спаситель ведёт нас за собой, призывая к отмщению и справедливости. Сколько наших братьев погибло за последние годы на кострах, было обезглавлено или повешено! Их вина только в том, что они не пожелали подчиниться римскому Вельзевулу, не пожелали возвратиться к папистским обрядам, кои суть ханжество, ложь и язычество... Король Генрих вырвал нас – какие бы ни были у него на то причины – из лап Вельзевула. Король Генрих изгнал из Англии свою первую жену Екатерину, ибо не хотел, чтобы на английском престоле сидела чужестранка, почитающая Рим, а не Британию. Неужели же мы смиримся с правлением Марии, дочери Екатерины, так и не ставшей по духу и вере настоящей англичанкой, и

позволим ей погубить нашу страну и наши души?... Елизавету – на трон, Марию – в изгнание! Да будет так!

– Да будет так! – повторили все джентльмены, находящиеся в комнате, и сэр Эндрю с ними.

– Вернёмся к плану наших действий, – сказал сэр Томас. – Каким он будет? Ваше мнение?

– Я полагаю, тут нечего особенно обсуждать, – взял слово полный джентльмен, сидевший по другую сторону стола. – У нас есть юридический прецедент: королева Мария отменила многие законы, принятые её отцом, – например, уже восстанавливаются монастыри, возвращаются земли церкви. Основываясь на этом прецеденте, мы можем потребовать признать незаконным завещание короля Генриха, где его наследником провозглашается сначала Эдуард, рождённый от Джейн Сеймур, затем Мария, рождённая от Екатерины Арагонской, а уж после Елизавета, рождённая от леди Анна Болейн. Поскольку Эдуард умер, то признание завещания Генриха незаконным меняет местами Марию и Елизавету. Таким образом, Елизавета становится нашей королевой, а Мария лишается прав на престол, – заключил полный джентльмен, очень довольный выстроенной им цепью умозаключений.

– Великолепная идея, – не скрывая иронии, заметил сэр Томас. – Кто же, по-вашему, отлучит Марию от трона – Королевский Совет, сплошь состоящий из преданных ей людей, или парламент, откуда давно убраны все, кто может

быть опасен для власти? Даже если предположить, что мы каким-то чудом сумеем склонить на свою сторону влиятельных джентльменов из этих достопочтенных учреждений, то всё равно Мария нанесёт удар прежде, чем они успеют что-либо сделать. Если же предположить совершенно невероятную вещь, – что Мария будет спокойно дожидаться окончательного юридического разрешения этой проблемы, – то и тогда пройдут годы, прежде чем решение будет принято.

– Но подобные решения, тем не менее, раньше принимались в Англии, – возразил полный джентльмен, – и короли лишались своего престола.

– Позвольте напомнить вам простую истину, – сказал сэр Томас. – Власть подобна осаждённой крепости: её можно взять, когда она слаба, но невозможно, когда она стоит крепко. Мария должна быть благодарна своему отцу за то, что он оставил ей прочную, хорошо укреплённую крепость. Да, эта крепость сейчас неприступна, – в отличие от тех случаев, на которые вы ссылаетесь.

– А что если нам бросить на осаду этой крепости большие силы? – спросил худощавый джентльмен, сидевший на краю стола. – Поднимем армию, поднимем крестьян и горожан, в конце концов!

– Чем вы привлечёте армию? Мария не глупа, она исправно платит жалование офицерам и солдатам. А что вы можете предложить им? – возразил сэр Томас. Тот промолчал и сэр Томас продолжал: – Вы хотите поднять народ? А вы уве-

рены, что нас с вами не зарежут заодно с нашими врагами? Народ – это дикий зверь; не приведи Господи, выпустить его из клетки: он растерзает и тех, кто его обижал, и тех, кто его кормил. Вспомните, что было в Германии после того, как проповеди великого Лютера пробудили чернь и позволили ей вырваться на свободу. Обезумевшая от крови она убивала всех подряд – и папистов, и реформаторов. В результате, добропорядочным протестантам пришлось объединиться с католиками, чтобы усмирить это разъярённое чудовище. Вы хотите повторения этих событий у нас, в Англии?

– Нет, этого нельзя допустить! – послышались испуганные голоса. – Зачем народ? Мы сами справимся.

– Я также думаю, что мы справимся сами, – кивнул сэр Томас. – Все мы, присутствующие здесь, в той или иной мере были причастны к делам государственного управления, либо имеем представление о том, что такое разумная политика. Мы сумеем обеспечить достойное правление Елизаветы – на принципах разума и веры, на принципах истинной веры Иисуса Христа.

– Да что тут долго рассуждать! – грохнул кулаком по столу сэр Эндрю. – Захватим дворец, заставим Марию отречься, и Елизавету – на трон! Кто против будет – перебьём, дьявол им в глотку!

– С вашей отвагой вы можете в одиночку сразиться со всем королевским войском, сэр рыцарь, – едва заметно улыбнулся сэр Томас. – Но должен заметить, что захватить дво-

рец непросто. Я предлагаю захватить Марию – это намного проще, надо лишь дождаться удобного момента.

– Отлично! Прекрасный план! – раздались возгласы в комнате.

– Тише, джентльмены, тише, – поднял руки сэр Томас. – О практическом осуществлении нашего плана я поговорю с каждым из вас по отдельности, и каждый получит свою задачу. Сейчас прошу пройти в общий зал и пропустить стаканчик-другой вина, – согласитесь, что странно и подозрительно, если джентльмены выйдут из трактира абсолютно трезвыми.

– С удовольствием! И будь я проклят, если меня заподозрят в трезвости! – закричал сэр Эндрю.

* * *

Сэр Джон отошёл от стены, сел на стул и сделал вид, что спит.

Вскоре над его ухом прозвучал голос сэра Томаса:

– Милорд, проснитесь! Теперь мы можем поговорить с вами наедине.

– Как вам будет угодно, сэр Томас. Теперь-то я могу называть вас по имени? – сэр Джон сладко потянулся. – Впрочем, вы известный человек: полагаю, что многие из заговорщиков знают, кто вы и как вас зовут.

Сэр Томас сел напротив него:

– Возможно, но лишняя осторожность не помешает... Если бы вы знали, как тревожит меня поведение вашего друга сэра Эндрю! Мы вынуждены были посвятить его в детали нашего заговора, но боюсь, что его невозддержанность в питье и длинный язык могут сыграть с нами дурную шутку.

– Я согласен, что по неосторожности он способен предать, но вы можете быть уверены, что он не выдаст вас умышленно, – улыбнулся сэр Джон. – По-своему это очень порядочный человек.

– Выдать «нас», а не «вас», – подчеркнул сэр Томас. – Вы ведь отныне с нами, сэр Джон?

– Нас, милорд, – согласился сэр Джон.

– Об этом я и хотел вас спросить. Я чувствую людей: вам можно доверять. Но почему вы с нами? – сэр Томас бросил на него пронзительный взгляд.

– От обиды, от нежелания быть мышью, – ну и, пожалуй, от скуки, – отвечал сэр Джон всё с той же улыбкой.

– Поясните. Итак, по порядку, – от обиды...

– Видите ли, милорд, после восшествия на престол королевы Марии меня выгнали из Лондона, запретив возвращаться сюда. Основания? Их нет! Просто-напросто мой дядя – покойный сэр Френсис – был когда-то сотрапезником, а точнее сказать, собутыльником короля Генриха. После смерти дяди я тоже имел честь присутствовать на королевских завтраках, но я не угодил королю, и меня удалили от двора. Когда Мария стала королевой, и начались гонения на всех,

кто помогал Генриху проводить его реформы, то вспомнили и обо мне. Помилуйте, но причём здесь я? Оттого что мой дядя, а потом ваш покорный слуга завтракали с Генрихом, нас никак нельзя считать соратниками короля. Сэру Френсису было глубоко наплевать на всё на свете, кроме своих удовольствий, и я следовал его примеру, милорд, – следует признать, что он был хорошим наставником. За что же меня выгнали из Лондона и лишили привычного образа жизни? Я обижен властью, я пострадал от неё, – и это первая причина, почему я с вами.

– Не слишком благородная причина, – покачал головой сэра Томас, – Но по крайней мере, вы не скрываете своих побуждений... А вторая причина?

– То есть нежелание быть мышью?... Она ещё проще первой. Мышь от рождения до смерти прячется в подвале; её цель – вырасти, оставшись незамеченной, вволю поест, произвести потомство, а затем также незаметно умереть. Я, пройдя большую часть жизненного пути, вдруг понял, что если сегодня или завтра умру, то буду хуже мыши. Никто не заметит моего исчезновения, ибо даже потомством я не удосужился обзавестись, – так что мыши будут ещё и смеяться надо мною. Не хочется мне этого, милорд, – пусть меня убьют, но как человека, а не мышью, за человеческие деяния, а не за мышиную возню.

– Это нелогично, – возразил сэра Томас. – Только что вы говорили, что живёте исключительно для своих удоволь-

ствий. Мышь также живёт этим, – почему же вы её обвиняете?

– А скука? Вы забыли о скуке, милорд! Уверяю вас, что все мыши помирают от скуки: им надоедает непрестанно жевать и размножаться в своём подвале, – иначе, зачем бы они время от времени выбегали из него, рискуя жизнью? Давеча сэр Эндрю сказал мне, что вступил в заговор от скуки, – значит, ему тоже надоело быть мышью.

– Но религия? Но общественное благо? Неужели вами движут одни личные мотивы? – спросил сэр Томас, которого несколько шокировали откровения сэра Джона.

– Я мог бы прибегнуть к красивому обману, но признаюсь, как на духу. Я думаю, что истинная религия – это достоинство немногих, а общественное благо часто служит прикрытием эгоистических интересов. О, не примите это на свой счёт, милорд, – вы являетесь исключением из общего правила! По-видимому, люди с именем Томас рождаются в Англии с набором благородных качеств. Лорд-канцлера короля Генриха – сэра Томаса Мора называли совестью нации; правда, он сложил голову на плахе. Надеюсь, ваши благородные качества не приведут вас туда.

– Гм, благодарю вас, сэр Джон, – это самая оригинальная похвала, которую я слышал, – покачал головой сэр Томас. – Что же, откровенность за откровенность, – я признаюсь, зачем мы решили пригласить вас к себе. Мы не рассчитывали найти в вас единомышленника, – и мы не ошиблись в

этом, как я понимаю, – однако нам нужны ваши связи при дворе принцессы Елизаветы. Нам известно, что у вас были некоторые отношения с одной из приближенных её высочества, и вы не раз бывали при дворе принцессы. Возможно, вас ещё поэтому изгнали из Лондона: королева Мария стремится окружить Елизавету исключительно своими людьми.

– Может быть. Но какое это имеет отношение к вашему, то есть к нашему заговору? – удивился сэр Джон. – Я никогда не был придворным Елизаветы и не состоял в её свите. Я был неофициальным лицом, изредка приглашаемым к её высочеству. Не знаю, как сейчас, но тогда Елизавета была очень мила, она была остроумна и глубока; очень живая и весёлая. Любила играть в мяч и обожала маскарады. Я участвовал порой в её увеселениях, и её высочество как-то в шутку предложила мне занять пост главного распорядителя праздников. Сам я не придавал этому никакого значения: признаться, меня больше занимала та молодая особа, о которой вы упомянули.

– Вы нужны нам именно в качестве неофициального лица при дворе её высочества Елизаветы, – загадочно произнёс сэр Томас.

– Не понимаю.

– Для успешного осуществления нашего плана требуется человек, через которого мы могли бы поддерживать связь с Елизаветой и предупредить её, когда наступит час решительных действий. Вот для чего вы нужны нам: мы не можем на-

править к Елизавете кого-то другого, потому что новый человек, появившийся около её высочества, вызовет подозрения, – да и пристроить его ко двору принцессы будет крайне сложно.

– А я не вызову подозрений? – улыбнулся сэр Джон.

– Не вызовете. Простите меня, но мы опросили десятка три людей, которые знали вас, когда вы жили в Лондоне. Все они в один голос утверждают, что вы эпикуреец и циник, прожигатель жизни, чрезвычайно далёкий от политики. Убеждён, что подобное мнение существует и в секретной службе королевы Марии: там считают вас не опасным для королевы. Вас удалили из столицы под горячую руку, но сейчас, полагаю, не будут мешать вашему возвращению. Свидетельство тому – ваш беспрепятственный приезд в Лондон.

– Вот как? Выходит, зря я на них обижался? – поднял брови сэр Джон. – Ну, ну, не смотрите на меня так, милорд, – моя обида не уменьшилась, а увеличилась: стало быть, меня действительно принимают за мышь. Теперь придётся доказывать, что я, всё-таки, человек.

– Мы подвигаем кое-какие рычаги, и вы будете жить в Лондоне на законном основании, – продолжал сэр Томас. – Затем вам надо будет вновь представиться Елизавете и бывать при её дворе. Дальше вы знаете; мы надеемся на вас.

– Продолжая считать меня циником и прожигателем жизни? – не удержался сэр Джон.

– Спаситель принимает всех. Те, кто ходят путями непра-

ведными, тоже могут прийти к нему, – строго и серьёзно сказал сэр Томас.

– Воистину так! – отвечал сэр Джон с той же серьёзностью.

Часть 1. Двор королевы Марии

Король Генрих любил охотиться на оленей, королева Мария предпочитала соколиную охоту. Распространившаяся в Европе благодаря страстной увлечённости ею короля Фридриха Гогенштауфена, соколиная охота вот уже триста лет считалась самым изысканным видом отдыха высочайших особ. На ней не надо было колоть, бить, стрелять животных, травить их собаками, – достаточно было выпустить в полёт красивую птицу, которая находила и хватала добычу.

На соколиную охоту можно было выехать во всей красе, не боясь промокнуть под дождём, изорвать одежду об кусты и ветки деревьев или запачкаться кровью убиваемой дичи, – эта охота велась на поле, в ясную погоду, а добытых птиц и зверей подбирали ловчие. Правда, для того чтобы сокол мог охотиться, его долго обучали – не давали есть и спать, дабы сделать его покорным; выпускали на ослеплённых и стреноженных зайцев, лис, крупных птиц и прочую живность, чтобы он мог расправиться с ними и запомнил, как это делается; кормили кровавым мясом только что убитых голубей, баранов и телят для поддержания хищнического духа. Однако охотнику не обязательно было участвовать в этой подготовке – он принимал уже обученную птицу из рук ловчего-сокольника и выпускал её на дичь, любуясь, как сокол бьёт утку на лету или ловит убегающего зайца.

Королева Мария выезжала на охоту всем двором, – наряды дам и кавалеров, хотя и назывались охотничьими, мало чем уступали праздничным нарядам; лучшие драгоценности сияли золотом и самоцветами. Запах дорогих итальянских духов густо смешивался с запахами кожаных сёдел и лошадиной сбруи, с запахами конского пота, полевых трав и вспаханной земли.

Королева ехала на белом иноходце впереди всей компании. Тёмно-зелёное платье Марии было украшено кружевами по краям рукавов и по воротнику; на голове королевы была шапочка, тоже зелёного цвета, со страусовым пером, прикрепленным большим изумрудом. Мария не любила пышных нарядов, но всегда одевалась с большим вкусом, – ей, некрасивой женщине, следовало заботиться о том, чтобы быть привлекательной для тех, кто ценит хороший вкус, а не броскую внешность. Лицом королева была похожа на простую девушку, на прачку из лондонского предместья.

Мать Марии, королева Екатерина, была наследницей многих поколений испанских королей: её тоже нельзя было назвать красивой, но благородство облика Екатерины было признано даже врагами. Отец Марии, король Генрих, был вторым правителем из династии Тюдоров, утвердившейся в стране в результате долгой гражданской войны. Поговаривали, что если бы в этой войне не погибли почти все знатные английские лорды, то Тюдоры никогда не стали бы королями: кое-кто утверждал, что их род произошёл от свинопасов. Ко-

нечно, это была клевета, но внешность короля Генриха действительно не походила на королевскую: его широкое лицо с окладистой рыжей бородой, его сильные мужицкие руки, его плотное тело, к старости ставшее невероятно грузным, – всё это напоминало внешность купца или шкипера торгового судна.

К несчастью, Мария, переняв изящную фигуру матери, в лице сохранила многие черты отца – оно имело такое же простое выражение, как у него. Кроме того, лоб Марии был слишком велик, а нос слишком мал; глаза тоже были маленькими и близко посаженными; некрасивые, тонкие и короткие губы, плоские щёки, срезанный, теряющийся подбородок – создавали не то чтобы отталкивающее впечатление, но определённо непривлекательное.

Мария была уже не молода, ей давно перевалило за тридцать; она была одинока, у неё не было ни мужа, ни любовника, ни друга; её характер был неровным – приступы глубокой меланхолии сменялись вспышками ярости, королева была то рассудочно холодна, то кровь бросалась ей в голову.

К тому же, воспитанная в духе католицизма, она была в ужасе от реформ своего отца и не хотела признать отделения английской церкви от Рима. Придя к власти, Мария восстановила отношения с римским папой, а протестантов преследовала.

...Сокольничий подал королеве одного из лучших соколов-охотников. Мария приняла птицу на руку, защищённую

перчаткой, и подняла высоко вверх. Сокол встрепенулся, огляделся вокруг и расправил крылья.

– Вон там заяц, ваше величество, – сказал сокольничий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.